

К СЕМАНТИКЕ МЕСТОИМЕНИЯ *целый*

В одной из своих работ, содержащей основы классификации кванторных лексем, в качестве специфического языкового свойства местоимения *целый* мы выделили его дистрибутивную ориентацию на множественные актанты, референтами которых являются неоднородные множества предметов, характеризующиеся структурной организацией и целостностью¹. Поскольку упомянутая классификация строилась по принципу «минимального толкования»², т. е. с учетом лишь дифференциальных признаков, то, разумеется, семантика квантора *целый* получила в ней достаточно ограниченную репрезентацию. Поэтому в настоящей работе языковые характеристики данного местоимения будут уточнены и расширены, причем необходимо отметить, что рамки статьи позволяют рассмотреть только некоторые особенности языкового функционирования квантора *целый* в формах единственного числа.

Кванторы *весь* и *целый* могут быть отнесены к одному и тому же классу как единицы, которые на поверхностно-синтаксическом уровне сочетаются с именами квантифицируемого множества (*вся / целая группа*) и по этому признаку противопоставлены кванторам *все, каждый, любой*, дистрибутивные партнеры которых прямо или косвенно указывают на элемент квантифицируемого множества (*все группы, каждая / любая группа*). По-видимому, можно говорить о трихотомии, которую составляют выражения (1) *каждая / любая группа*, (2) *все группы* и (3) *целая / вся группа*. Семантические различия компонентов данной цепочки удобно представить в виде процедуры интерполяции множественного актанта, заключающейся в его расщеплении, расклеивании на составляющие³: (1) *каждая / любая группа, т. е. группа 1, группа 2 и группа 3*; (2) *все группы, т. е. группа 1, группа 2 и группа 3*; (3) *целая / вся группа, т. е. студент X, студент Y и студент Z*. Анализ приведенных трансформ показывает, что трихотомия названных кванторов является градуальной. Так, в первом случае актанты базовой и производной конструкций совпадают полностью⁴, во втором случае — частично, а в третьем — не совпадают вовсе. Конструкции (1) и (2) имеют сходство благодаря указанию на элемент множества, а конструкции (2) и (3) — на само множество. Квантор *все* определяет актант, множественный характер которого репрезентируется в его грамматическом значении множественного числа. При этом в рамках грамматической оппозиции по числу множественный актант сохраняет свою онтологическую ретроспективу или «внутреннюю форму», т. е. в достаточно явном виде содержит указание на элементы множества (*все группы, т. е. все такие, каждая из которых является группой*). Квантор *весь* определяет актант, множественная природа которого выражена деривационными (*вся листва*) либо лексическими (*вся группа*) средствами. В этом случае в наименовании множества менее явно присутствует отсылка к его элементам (которые — с разной степенью определенности — могут быть установлены в результате анализа лексического значения или фрейма имени, а также контекста). *Целый* аккомодирует еще большую закрытость, автономность квантифицируемого множества: во-первых, в конструкциях с *целый* исключены собирательные имена типа *листва*; во-вторых, невозможна сочетаемость *целый* с наименованиями веществ и материалов, часть из которых подвержена деривации наименований составляющих их элементов (ср.: *песок — песчинка, * целый песок*).

Местоимение *все* синтаксически ориентировано как на актанты, имеющие переменную множественную референцию, т. е. обозначающие «соединение однородных предметов, каждый из которых является слагаемым в этом множестве»⁵ (ср.: *все группы*), так и на актанты, обозначающие однородные или разнородные целостные множества-предметы, так что их множественный характер — существенный признак их семантики (ср.: *все бусы, все брюки, все грабли*). Множественность первого

типа может быть определена как экстенциональная, а множественность второго типа — как интенциональная. В отличие от *все*, кванторы *целый* и *весь* связаны только с интенциональной множественностью и определяют словоформы, для которых множественность выступает как априорная, словарная категория и проявляет себя в неэлементарности, сложности, организованности предмета.

Таким образом, можно констатировать, что в трихотомии языковых выражений с кванторами *каждый* / *любой*, *все*, *целый* / *весь* наблюдается постепенная девальвация роли элемента для множества и увеличение степени автономности, закрытости множества. Если в соответствии с биологической терминологией признаки элемента, проявляющиеся в множестве, обозначить термином «генотип», а функциональные признаки самого множества — термином «фенотип», то можно утверждать, что в цепочке *каждый* / *любой* — *все* — *целый* / *весь* уменьшается обусловленность фенотипа генотипом.

Интересные наблюдения над семантикой лексемы *целый* содержатся в работе Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, где, во-первых, указывается, что «слово *целый* обычно употребляется в сочетании с обозначениями неопределенных объектов и множеств». По этой причине некорректны сочетания *целый* с указательными местоимениями (**целый этот город*) и с собственными именами (**целая Маша*). Во-вторых, по мнению Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, «функция слова *целый* — указать, что обозначаемое количество превышает то, которое могло ожидаться в данной ситуации», т. е. *целый* выражает оценочное значение большого количества. Обращает на себя внимание следующее утверждение: «...*Целый* не является кванторным словом. Количественное значение у сочетаний со словом *целый* возникает вследствие того, что *целый* присоединяется к именным группам, которые сами по себе выражают идею количества»⁶. С нашей точки зрения, данное положение является спорным, хотя и повторяется в ряде работ, авторы которых не относят *целый* к числу кванторных единиц⁷.

Рассмотрим эту проблему подробнее. Прежде всего определим количественную основу оценочного значения (КООЗ) *целый*, используя для анализа конструкции следующих типов: (4) *Он прочел целый том*. (5) *Он прочел целые тома*.

Если КООЗ совпадает с грамматическими значениями ед. и мн. числа ('один' и 'несколько') существительного *том*, то приведенные предложения можно представить в виде аналитических трансформ: (4 а) *Он прочел один том, и это — больше, чем ожидалось*. (5 а) *Он прочел несколько томов, и это — больше, чем ожидалось*.

Такая трактовка распространяется и на конструкции типа «*целый* + числительное + существительное», например: (6) *Он прочел целых четыре тома* → *Он прочел четыре тома, и это — больше, чем ожидалось*.

При данном подходе к толкованию значения лексемы *целый* нет оснований констатировать наличие кванторной лексикологии в ее содержании. Вопрос о корректности такой интерпретации предложений с местоимением *целый* будет поставлен далее, сейчас же обратим внимание на то, что рассмотренные выше примеры выявляют новые особенности уже названных семантических признаков *целый*. Запрет на сочетаемость *целый* с наименованиями веществ и материалов (**целый песок*, **целая вода*, **целое золото*) обусловлен, как указывалось, дистрибутивной ориентацией *целый* на имена неоднородных классов предметов. Но неправомерность таких сочетаний может иметь и иное объяснение: они не соответствуют преобразованию $P(\text{целый } x) \rightarrow P(\text{один } x)$, которое реализуется в предложениях типа (4), поскольку включающие их имена не являются исчисляемыми и не допускают конструкций с числительными (ср.: **два песка*, **три золота*, **семь вод*)⁸. Это не означает, однако, что множества веществ и материалов являются абсолютно нераздельными, что подтверждается наличием конструкций с квантором *весь*: *весь песок*, *все золото*, *вся вода*, — где квантификации подлежат подмножества

ва — порции вещества. Языковое сознание тем не менее не приписывает этим порциям статуса целостных, самостоятельных и исчисляемых объектов, поскольку исчисляемость — своего рода вознаграждение, которое выдается подмножеству за структурную организованность, а порция — феномен, отличный от континуума лишь количественно, суммативно, но не структурно. Таким образом, структурность множества предметов обуславливает его исчисляемость и вводит в область референтов, к которым применима оценочная интерпретация с помощью местоимения *целый*.

Однако, как показывают наблюдения, и структурность, и исчисляемость при их несомненной важности и значимости не являются единственными и решающими факторами, которые определяют КООЗ местоимения *целый*, а преобразования (4), (5), (6) вскрывают лишь фрагменты его семантической картины. В этом, в частности, убеждает анализ выражений следующего вида: (7) *целый месяц*, (8) *целая жизнь*, (9) *целая вечность*, (10) **целое время*. Множественные актанты *месяц* и *жизнь* исчисляемы (*два месяца, несколько жизней*), а актанты *вечность* и *время* — неисчисляемы (**три вечности, *десять времен*⁹). Чтобы показать семантические различия между этими выражениями, приведем трансформы включающих их предложений: (7 а) *Он прожил здесь целый месяц* → *Он прожил здесь один месяц, и это — больше, чем ожидалось*. (8 а) *Он прожил здесь целую жизнь* → *Он прожил здесь всю жизнь, и это — больше, чем ожидалось*. (9 а) *Он прожил здесь целую вечность* → *Он прожил здесь вечность, и это — больше, чем ожидалось*.

Как видим, все три выражения имеют различные КООЗ: (7) — *один X*, (8) — *весь X* (**один X*), (9) — *X* (**один X, *весь X*). В первом случае КООЗ выражена грамматической морфемой ед. ч., во втором — словоформой *жизнь*, которая в данном контексте подразумевает абсолютную квантификацию (полноту множества), в третьем — словоформой *вечность*, лексическое значение которой независимо от контекста включает количественную сему 'много времени'. Выражение (10) не содержит ни одного из указанных средств выражения КООЗ.

Таким образом, исчисляемость — вовсе не обязательное дистрибутивное свойство имени в конструкциях с *целый*. Для некоторых имен альтернативой этого признака является наличие семы полноты или большого количества в содержании имени. К таковым следует, к примеру, отнести выражение *целыми тучами* в предложениях типа *Мухи летели целыми тучами* (ср.: *Мухи летели тучами, т. е. мухи летели и их было много*) или выражение *целое изобилие* в предложениях типа *На столе было целое изобилие еды и напитков* (ср.: *На столе было изобилие еды и напитков, т. е. еды и напитков было очень много*). Местоимение *целый* в конструкциях подобного рода имеет скорее всего лишь усилительную компетенцию, поскольку при его элиминировании (*Мухи летели тучами; На столе было изобилие еды и напитков*) в семантике предложения уменьшается лишь степень интенсивности признака 'много' в значении имени существительного. Однако в ряде сочетаний этот количественный признак в семантике имени обусловлен именно местоимением *целый*. Речь идет о конструкциях *целый* с исчисляемыми и неисчисляемыми абстрактными существительными, такими, как *мужество, сила, усердие, растерянность, бедствие, кревоугодие* и др. Ср.: (11) *Требовалось целое мужество, чтобы как-то выбраться из этой ситуации*. (12) *Вместе мы — целая сила*.

Особенность данных конструкций заключается в том, что местоимение направлено не на множество индивидов (а именно так и трактуется квантификация), а на область предиката: все перечисленные выше абстрактные существительные и подобные им выступают в качестве предикатов (как правило, зависимых имплицитных пропозиций). Представим эти предикаты в более явном виде:

(11 а) *Требовалось мужество* → *Требовалось, чтобы некто был мужественным*.

(12 а) *Вместе мы — сила* → *Когда мы вместе, то мы сильны*.

Как модифицирует эти синтаксические структуры введение в их состав местоимения *целый*?

(11 б) *Требуется целое мужество* → *Требуется, чтобы некто был чрезвычайно, насколько возможно мужественным.*

(12 б) *Вместе мы — целая сила* → *Когда мы вместе, то мы сильны в полном смысле этого слова, мы представляем значительную силу.*

Обобщение данных и других подобных примеров показывает, что местоимение *целый* вносит в предложение информацию об объективно высокой или максимальной степени проявления признака и, таким образом, выступает маркером специфической квантификации признаковой семантики. Вопрос о том, содержит ли *целый* дополнительное оценочное значение, которое соотносит выражаемую им объективную степень признака с индивидуальной нормой предмета в конкретной ситуации и которое ранее мы обозначали выражением «больше, чем ожидалось», с нашей точки зрения, проблематичен.

Не укладывается в рамки грамматического значения ед. ч. и КООЗ *целый* в конструкциях с исчисляемыми конкретными именами, а трансформация (4 а) отражает лишь фрагмент семантической картины таких конструкций. Произнося предложение (4) *Он прочел целый том*, говорящий подвергает количественной оценке «больше индивидуальной нормы в данной ситуации» не значение 'один экземпляр тома', а количественные параметры самого предмета. Другими словами, говорящему важно подчеркнуть, что некто прочел не один том, а именно том, т. е. большую по размеру книгу (по сравнению с брошюрой, книжонкой, журналом, газетой и т. д.). Эта количественная семантика фиксирована в лексическом значении слова *том*¹⁰ и проявляется во вторичной номинации в сочетаниях типа *Жалоб он написал целый том (т. е. очень много)*.

Если принять данную трактовку КООЗ *целый*, тогда возникает вопрос о месте в семантике сочетаний с этим местоимением грамматического значения ед. ч. имени существительного. Во-первых, значение единичности принадлежит пресуппозициям местоимений *целый* и *весь*, что обуславливает некорректность предложений (основанную на тавтологии), в которых элементы *целый*, *весь*, с одной стороны, и *один*, с другой стороны, помещаются в ассертивной семантической части высказывания, ср.: (13) * *Он прочел целую одну книгу.* (14) * *Он прочел всю одну книгу.* Вместе с тем значение 'один' не содержится в пресуппозициях слов *целиком*, *полностью* и др., например: (15) *Он прочел полностью только одну книгу.*

Наконец, важнейшей чертой семантики *целый* является наличие у этого местоимения значения абсолютной квантификации, т. е. *целый* семантически включает в себя общие кванторы *весь*, *целиком*, *полностью*, ср.: (4 б) *Он прочел целый том* → *Он прочел целиком один том, при этом важно, что он прочел именно том, т. е. большую толстую книгу, что для него в данной ситуации очень много.*

На наличие такой общекванторной семантики в содержании *целый* указывает преобразование местоимения с помощью отрицательной частицы *не*, ср.: (4 в) *Он прочел не целый том* → *Он прочел том не целиком, а лишь часть тома.*

Описание семантики кванторных лексем, как правило, направлено на выявление тех семантических признаков, которые обнаруживаются в сочетаниях квантора с существительным. При этом обычно игнорируется роль предиката. Ранее мы отмечали те семантические различия кванторов, которые связаны с их сочетаемостью с множественно ориентированными и неориентированными предикатами¹¹. Однако роль предиката в реализации кванторной семантики, как выясняется, имеет и другие аспекты. Рассмотрим предложения: (16) *Он прочел целую страницу.* (17) * *Он перевернул целую страницу.*

Объяснением некорректности предложения (17) на фоне (16) может быть тот факт, что, в отличие от предиката *прочсть*, предикат *перевернуть* не предполагает квантификации множественного объекта, обозна-

ченного словом *страница*, ср.: (18) * *Он перевернул всю страницу / часть страницы.*

По отношению к предикату *перевернуть* существительное *страница* выступает как имя интегративного множества¹² (по терминологии А. И. Умова — минимального множества¹³), некоторые характеристики которого не свойственны составляющим. Чем шире круг предикатов, в сочетаемости с которыми данное существительное допускает квантификацию, тем типичнее выглядит сочетаемость этих существительных с кванторами *весь* и *целый*. С этой точки зрения обращают на себя внимание одушевленные имена, сочетаемость которых с названными кванторами достаточно ограничена, ср.: ? *целый / весь ребенок*, ? *целый / весь дворник* и т. д. Те немногочисленные контексты, где данные выражения употребимы без нарушения нормы, включают предикаты, не охватывающие индивидуальных, существенных свойств обозначаемых лиц, к примеру, *уместиться*: (19) *Здесь уместился бы целый ребенок.*

КООЗ одушевленных существительных варьируется в незначительных пределах и заключается обычно в указании на физические параметры, размеры человека, которые с учетом специфики ситуации представляются говорящему как достаточно большие — в противном случае количественная оценка «большое ожидаемого» была бы необоснованной, ср.: (20) * *На этой огромной кровати уместился бы целый гном.*

¹ См.: Киклевич А. К. К семантической типологии общекванторных местоимений // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир, 1989. С. 45.

² См.: Bendix E. H. Componential Analysis of General Vocabulary: The Semantic Structure of a Set of Verbs in English, Hindi and Japanese. Bloomington, 1966.

³ См.: Мак Коли Дж. О месте семантики в грамматике языка // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10. С. 272; Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. Wrocław etc., 1969. S. 122.

⁴ Необходимо уточнить, что существительное в сочетании с квантором употребляется в референтном значении без указания на число и счет, тогда как существительные, указывающие на элементы множества, выступают в формах ед. ч. с количественным значением единичности. Противопоставление референтного и количественного значений ед. ч. см. в работе: Красильникова Е. В. Имя существительное в русской разговорной речи. Функциональный аспект. М., 1990. С. 65. В соответствии с современной теорией референции существительное *группа* в конструкции с квантором является единицей лишь с признаковой семантикой («то, что является группой») и может быть истолковано как неопределенная дескрипция, а то же существительное в трансформе обладает конкретной референцией в составе определенной дескрипции.

⁵ Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979. С. 174.

⁶ См.: Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Несколько замечаний о словах типа *несколько* // Язык: система и функционирование. М., 1988. С. 47, 48.

⁷ См.: Откупщикова М. И. Местоимения современного русского языка в структурном аспекте. Л., 1984. С. 8; Крылов С. А. О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир, 1989. С. 10—11.

⁸ Хотя возможно сочетание *три воды* в значении 'три сорта воды' и некоторые подобные; см.: Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 82.

⁹ Это не относится к лексеме *время* в значении грамматического времени.

¹⁰ См.: Словарь русского языка. М., 1984. Т. 4. С. 378.

¹¹ См.: Киклевич А. К. К семантической типологии... С. 42—43.

¹² См.: Киклевич А. К. Содержательные аспекты систематизации множественных актантов // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 4. 1989. № 1. С. 48.

¹³ См.: Умов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978. С. 163.

Г. Ф. КУРЫШКО

ПРИЧИНЫ И ИСТОЧНИКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СИНОНИМОВ В РУССКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Основной базой создания терминологической синонимии в медицинской литературе является заимствование из греческого и латинского языков, т. е. наличие термина греко-латинского происхождения и его эквивалента русского происхождения. Эти заимствования из греческого и латинского языков широко употребляются для названия болезней и нару-